

ЖЕСТОКОСТЬ

Я люблю время суток, когда до вечера далеко, и солнце еще согревает щедрыми лучами своими уставшую за день Землю. Лучи его, путаясь в тронутой осенней позолотой листве, рассыпаются по земле ажурным узором, придавая удивительное очарование и загадочность всему окружающему миру.

Я возвращалась с работы, настроение было бы прекрасным, если бы не печальные приметы осени, предвещавшие долгую суровую зиму. «Последние деньки бабьего лета», — грустила я, вдыхая бронзовый аромат облетевшей листвы. Подошла к дому и, решив продлить минуты общения с природой, присела на скамеечку, стала наблюдать за игрой детей, примостившихся рядышком.

Девочка лет шести-семи рисовала на асфальте фигурки соком спелой черноплодной рябины, срывая её с кустов, в изобилии растущих возле дома. Рядом стоял подросток и бросал в нее ягоды всё той же черноплодки. Картина была настолько умильна, что я невольно залюбовалась детьми, вспоминая свое детство с его милыми проказами и шалостями.

Девочка сначала терпела «ягодный обстрел», потом крикнула: «Прекрати, Андрей!», но её недовольство только позабавило мальчика, и он, смеясь всё громче и громче, продолжал «атаку».

Тогда девочка набрала горсть переспелых черных ягод и бросила ими в подростка. Ягоды ударились об его куртку, лопнули и растеклись по ней кроваво-грязными струйками.

Андрей взревел, как дикий зверь, и кинулся на нее с кулаками, девочка бросилась наутек, но мальчик был старше и сильнее. Он в три прыжка нагнал несчастную и принялся избивать, а потом пнул, бранясь при этом грубо и отвратительно.

Все мои попытки прекратить эту дикую сцену при помощи призывов к совести привели лишь к тому, что подросток отошел от девочки, не переставая осыпать её грязными словами.

Малышка тем временем встала и, как побитая собака, поплелась домой. Мне бы кинуться утешать бедняжку, но я вошла в какой-то ступор, онемела и, окаменевшая, стояла долго.

Не было никаких мыслей, не хотелось ни о чем думать. Было одно желание — закрыть глаза, ничего не видеть и не слышать, не рассуждать о том, почему это случилось, откуда взялась такая жестокость.

А эта дикая сцена до сих пор стоит у меня в глазах... И я не знаю, как жить дальше с таким грузом....

СЛЕЗЫ ЦАРИЦЫ НЕБЕСНОЙ

После смерти мужа Верочка заболела, она поняла, что силы её на исходе, и дочь, буквально за руку, отвела и уложила маму на больницу койку.

Среди больных Вера временами забывала о своей утрате, а когда вдруг с новой силой наплывали воспоминания, она сразу замыкалась в себе, отворачивалась к стене и погружалась в сумерки. Как ни старались врачи, назначая ей дорогие препараты, и родные, знакомые, подруги по палате развеять её мрачные мысли, Верочке никак не удавалось обрести прежний душевный покой и желание жить дальше...

Верочка рада была бы и поплакать, но слез у неё не было ни на кладбище, ни на девятый день, а на душе была такая тяжесть, что и не выразить словами.

Пожаловалась она врачу.

— Так бывает, — задумчиво произнесла Софья Павловна, глядя на Верочку участливо, жалостливо, — бывает... А может, Вам сходить... помолиться?

Решила Верочка завтра же с утра пойти в часовенку, что расположена неподалёку от больницы.

Утро выдалось ясное, солнечное. Она подошла к часовне, перекрестилась... Открыла тяжелую дверь... и сразу погрузилась в безмолвное спокойствие святости... Купила свечу, зажгла, поставила на подсвечник около иконы Божией Матери, начала молиться.

Подняла глаза... и вдруг встретила с очами Царицы Небесной... Как огнем обжег взгляд её — печальный, но необыкновенно прекрасный. Вере даже показалось... Нет... Она отчетливо увидела капельки слез, глаза были влажны от них, они блестели... Этот взгляд проник глубоко-глубоко, в самое доньшко исстрадавшейся Верочкиной души...

Она долго стояла пред образом, всматриваясь в эти лучистые глаза, не в силах оторваться от Святыни... И обе они плакали — одна о сыне, другая о муже.

Душа омывалась слезами, очищалась... оживала...

Позднее Верочка узнала, что икона эта — Казанской Божией Матери — мироточивая.

Царица Небесная... Она плачет...